

ЧУДЕСНОЕ СНОВИДѢНІЕ,

ВИДѢННОЕ ПОСЛУШНИКОМЪ

Ново-Авонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

11 Октября 1908 года.

Издание 1-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печ. „Графическаго Института“, Бр. Лукшевицъ. Бассейная, 3.
1909.

ЧУДЕСНОЕ СНОВИДѢНІЕ,

ВИДѢННОЕ ПОСЛУШНИКОМЪ

Ново-Авонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря

11 Октября 1908 года.

Издание I-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печ. „Графическаго Института“, Бр. Лукшевицъ. Бассейная, 3.
1909.

Чудесное свидѣніе, видѣнное послушникомъ Ново-Афонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря 11 октября 1908 года.

11 Октября 1908 года, не пришелъ къ утрени пѣвчій (басъ) лѣваго клироса соборнаго храма Ново-Афонскаго монастыря *), послушникъ Пантелеимонъ Куранда. Ходившій будить его послушникъ Михайлъ Кошелевъ стучалъ въ дверь кельи, звалъ пѣть на клиросъ, но тотъ изъ келіи голоса не подалъ. Предъ ранней литургіей монахъ Дометіанъ также звалъ его пособить имъ въ соборѣ въ пѣніи, прочитавъ „Апостоль“ и опять не могъ его разбудить. Когда же онъ, Пантелеимонъ, не явился на клиросъ и къ поздней Литургіи, а равно не пришелъ и на трапезу къ обѣду, — одинъ изъ пѣвчихъ влѣзъ къ нему въ окно и началъ его будить, но онъ ни на голосъ не отзывался, ни отъ того, что будившій трясъ и качалъ его на кровати долго руками, — не просыпался. Была отворена дверь, и въ келью вошелъ уставщикъ Іеродіаконъ Парамонъ съ собравшейся у двери братіей изъ пѣвчихъ, и тоже долго и безуспѣшно будили спавшаго. Между тѣмъ послали въ больницу за старшимъ монастырскимъ фельдшеромъ монахомъ Мисаиломъ, который, осмотрѣвъ спящаго, ничего ненормальнаго въ его здоровьѣ не замѣтилъ; всѣ бывшіе въ келіи видѣли въ немъ лишь спящаго человѣка, только руки у него казались очень бѣлыми и были холодныя, а на лицѣ замѣчался румянецъ, при чемъ брови и вѣки слѣгка и часто почему-то подергивались; замѣтно было въ лицѣ его, что-то точно необычное, не прочь были

*) Близъ г. Сухума на Кавказѣ.

всѣ думать, что онъ находится какъ бы въ изступленіи, а не просто спитъ. Фельдшеръ далъ понюхать нашатырнаго спирту и Пантелеимонъ проснулся, сѣлъ на кровати, быстро взглядомъ окинулъ всѣхъ, бывшихъ предъ нимъ, и потомъ, бросивъ по малороссійски фразу: „це уже вы не тіи!“—то закрывая свое лицо руками, то открывая его,—сталъ горько плакать. „Вы не такіе, не такими видѣлъ я васъ“, (какъ оказалось послѣ) хотѣлъ онъ сказать. Фельдшеръ почелъ въ это время не лишнимъ на шею поставить ему принесенный съ собою горчичникъ, но Пантелеимонъ не далъ сдѣлать этого и повторялъ: „это не нужно... Зачѣмъ это?... я вѣдь не боленъ“. Около 12-ти часовъ братія разошлась изъ келіи Пантелеимона; къ нему пришелъ духовникъ его О. Іліанъ и оказалось, что онъ проспалъ всего 16 часовъ, въ теченіе коихъ ему было изложено далѣе съ его словъ, сновидѣніе.

1908 года Октября 10 дня, послѣ повечерія, я пришелъ въ свою келью. Посидѣвши минутъ 10, я сталъ чувствовать, что меня сильно клонитъ ко сну; потушивъ лампу, я легъ спать. Только что я уснулъ, какъ чувствую, что въ кельѣ становится свѣтло. Я, будто бы, всталъ съ койки и сѣлъ. Стало еще свѣтлѣе; свѣтъ очень яркій, но не похожъ на солнечный. Я подумалъ: что же это такое, гдѣ это я?.. Вдругъ подходитъ ко мнѣ мой умершій племянникъ, мальчикъ 5-ти лѣтъ (онъ умеръ лѣтъ 8 тому назадъ), и говорить: „пойдемъ со мной“. Куда, зачѣмъ? спрашиваю я. „Пойдемъ, пойдемъ,—увидишь!“ Я, всталъ и мы пошли вмѣстѣ. Шли сначала полемъ, потомъ подошли къ морю, по которому проложены, какъ будто изъ покрытой зеленой травой земли, дорожки, широкія и узкія, были и очень узенькія. Между же ними въ водѣ плавали лодки, въ которыхъ сидѣли въ свѣтломъ одѣяніи юноши. —По широкимъ, украшеннымъ зеленой травкой и цвѣтами, дорожкамъ шли люди

разнаго пола и возраста съ свѣтлыми и радостными лицами, а по узкимъ—шедшіе плакали, срывались съ дорожекъ, падали въ море, съ трудомъ вылѣзали опять на дорожки и опять падали въ море. Тѣхъ, которые вылѣзали и успѣвали обсохнуть, сидѣвшіе въ лодкахъ юноши брали къ себѣ съ большою радостію и увозили. Шедшій со мною племянникъ говорить мнѣ: „пойдемъ и мы по этой дорожкѣ“. Дорожка, указанная имъ, была очень узкая, и я боялся по ней идти; но онъ велѣлъ мнѣ держаться за него. Я сказалъ, что онъ маленькій, и, если я начну падать, то и его утащу съ собой; но онъ ободрилъ меня, и мы пошли. Мое опасеніе сбылось; прошедши немного, я сорвался съ дорожки и упалъ въ воду, но при паденіи успѣлъ схватить племянника за одежду и при помощи его опять выкоробкался на дорожку, и мы пошли дальше. Когда пришли къ концу моря, мы увидѣли двѣ дороги: одна была широкая, покрытая зеленой травкой и цвѣтами; по лѣвую же сторону ея шла узенькая, покрытая вбитыми въ землю заостренными кольями, которые перекрещивались между собою, такъ что идущимъ по этой дорожкѣ было очень трудно пройти и они натыкались то на тотъ, то на другой. Шедшіе прежде моремъ по широкой дорогѣ переходили опять на широкую, покрытую зеленью и цвѣтами, дорогу и шли по ней по парно или по три, пѣли и славили Бога. Когда же стали приближаться къ берегу моря шедшіе по узкимъ дорожкамъ и срывавшіеся съ нихъ, къ нимъ подошли страшилища (демоны) съ крючками въ рукахъ и начали ими цѣплять подходившихъ къ берегу и вытащивши, обвели ихъ кругомъ цѣпью и начали гнать по убитой кольями узкой дорожкѣ, погоняя позади палками. Отъ страха и боли эти несчастные люди вопили не своими голосами и визжали. Я спросилъ своего проводника: за что ихъ такъ бьютъ и мучаютъ?

Онъ отвѣтилъ, что они при жизни своей не признавали ни праздниковъ, ни постовъ и не принимали Святыхъ Христовыхъ Тайнъ; жили для того только, чтобы ѣсть и пить, говоря: когда помремъ,—ничего не будетъ; жили по своей волѣ, а не такъ, какъ велитъ Церковь Православная христіанамъ. Они на землѣ жили въ свободѣ, пили, веселились и объѣдались; тѣло свое берегли, за то здѣсь, погубивъ свои души, получаютъ по дѣламъ своимъ муки. А которыхъ ты видишь идущими теперь по широкой, прекрасной дорогѣ, тѣ при своей жизни шли узкимъ и тернистымъ путемъ и за свою добродѣтельную жизнь гонимы и угнетаемы были отъ злыхъ людей; они почитали праздники, соблюдали посты, причащались Св. Христовыхъ Тайнъ и время проводили не въ праздности и лѣнности, а въ трудѣ и молитвѣ. И вотъ за то, что они тамъ хорошо жили, терпѣли скорби и плакали, теперь будутъ веселиться вѣчно. А которые надъ ними насмѣхались и оскорбляли,—тѣ теперь плачутъ и мучаются. Здѣсь напалъ на меня сильный страхъ. Мой проводникъ велѣлъ мнѣ перекреститься и не бояться, а самъ въ это время скрылся. Ко мнѣ подошелъ тогда молодой красивый юноша и велѣлъ дальше идти съ нимъ. Онъ привелъ меня къ большимъ воротамъ, которые были такъ черны, какъ бы вымазаны сажей, и были заперты громаднымъ замкомъ. Мой проводникъ отворилъ ихъ, и мы увидѣли за ними свѣтъ не похожій на прежній, а какой то рѣзкій и непріятный. Потомъ мы увидѣли другія небольшія двери. и открывши ихъ, пошли внизъ по винтовой лѣстницѣ, и сначала пришли къ однимъ дверямъ, на которыхъ было написано: „плачьте до времени“. Я здѣсь сильно испугался. Мой проводникъ велѣлъ мнѣ сотворить крестное знаменіе. Мы пошли ниже и опять увидѣли двери, на которыхъ тоже была надпись „плачьте до времени“. Еще ниже

мы увидѣли двери очень чернаго цвѣта и на нихъ было написано: „плачьте и рыдайте безъ конца“. Здѣсь пошелъ сильный смрадъ, слышался оттуда сильный шумъ и въ сторонѣ отъ дверей внизу, мы увидѣли какъ бы дрова горящія, какъ раскаленное желѣзо, и мнѣ показалось, что они ворочаются сами собою; я спросилъ своего путевода, что это такое горитъ, какъ дерево? Онъ отвѣчалъ: „это не дрова, а люди“. Я посмотрѣлъ пристальнѣе и, дѣйствительно, увидѣлъ что это люди, которые шевелили ногами и руками, и зѣвали ртами. На бокахъ у нихъ былъ такой жаръ, какъ будто раскаленное желѣзо, и отрывались какъ уголья, куски тѣла. Я сталъ сильно страшиться. Вдругъ изъ огня выскочили черные съ красными глазами страшилища, державшіе въ рукахъ крючки, и бросились прямо ко мнѣ. Мой хранитель взмахнулъ на нихъ своимъ мечомъ и сказалъ: „не ваше дѣло касаться до насъ“, и они убѣжали обратно, а мнѣ онъ велѣлъ сотворить крестное знаменіе и идти далѣе обратно вверхъ. Дорогой я спросилъ:—за что эти люди горятъ въ огнѣ? Онъ сказалъ: „за содомскій грѣхъ“.—Мы пришли къ раньше видѣннымъ нами дверямъ, на которыхъ написано: „плачьте до времени“. Мой проводникъ отворилъ ихъ, и за ними мы увидѣли много людей, сидящихъ въ одномъ котлѣ. Между ними я узналъ одну знакомую мнѣ женщину; она меня тоже узнала и подала мнѣ руку; когда я не хотѣлъ брать ее, мой проводникъ велѣлъ взять ее за руку. Я взялъ и сталъ тащить ее, бывшіе же вмѣстѣ съ нею люди уцѣпились всѣ за нее, она закричала: „хотя-бъ меня одну вытащили, но не всѣхъ васъ!“ Въ это время женщина упала обратно въ котелъ. Мой проводникъ сказалъ мнѣ: „видишь, какое у нея самолюбіе и гордость, если бы она не воспрещала другимъ братья за нее, то и сама спаслась бы и другіе спаслись бы вмѣстѣ съ нею“. Отсюда мы

пошли выше и пришли ко вторымъ дверямъ, съ такою же надписью. Отворивши оныя, за ними мы увидѣли въ очень темномъ мѣстѣ сидѣвшихъ иноковъ. Лица у нихъ были настолько мрачны, что трудно было разсмотрѣть ихъ. Они зѣвали ртами, изъ которыхъ выходила сажа. Когда я спросилъ, за что эти иноки попали сюда?—мой проводникъ отвѣтилъ: „они любили посѣщать свѣтлые дома мірскихъ людей, предъ которыми осуждали свои монастыри.—Идя далѣе, мы увидѣли страшилища, которые цѣпями вязали и скручивали людей и въ ушахъ ихъ сверлили сверлами. Я сильно испугался. Мой проводникъ велѣлъ мнѣ креститься и сказалъ: „этихъ людей мучатъ за то, что они въ храмъ Божіемъ плохо себя держали, обращались по сторонамъ, занимались разговорами, а молитву не творили.

Потомъ, идя далѣе, я увидѣлъ своихъ монастырскихъ собратій,—кто какимъ путемъ идетъ, кто какою страстію страдаетъ, и кто чѣмъ спасается. При этомъ возлѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ изъ братіи и постороннихъ людей я увидѣлъ какіе то предметы и людей, которые неотступно слѣдовали за ними, доставляя имъ страданія и муки. Я спросилъ у моего провожатаго: что это такіе за предметы и кто эти люди, такъ назойливо преслѣдующіе моихъ знакомыхъ братій и постороннихъ? Онъ отвѣтилъ: „это обличители содѣянныхъ, не покрытыхъ примиреніемъ, или исповѣданныхъ изъ за стыда, или по забвенію грѣховъ, которые, какъ свидѣтели прегрѣшеній, всюду за ними слѣдуютъ; а которые исповѣдывали эти свои грѣхи предъ духовникомъ, отъ тѣхъ изобличающіе люди и предметы удалены и грѣхи ихъ изглажены. Между таковыхъ я видѣлъ одного мужчину изъ мірскихъ, который будучи нагимъ, по самую шею былъ обвитъ отвратительными змѣями и гадами, которые ползали по немъ и сосали его по всему тѣлу; по обѣ

стороны около него стояли обвитыя гадами по поясъ женщины съ младенцами на рукахъ; а поодаль съ правой стороны была въ свѣтломъ одѣяніи женщина, которая часто взглядывая на обвитаго гадами мужчину, какъ видно плакала о немъ. Проводникъ мой объяснилъ, что послѣдняя—законная жена, сокрушающаяся за своего мужа, что онъ нарушивъ супружескую вѣрность,—любоудѣйствуетъ съ чужими женщинами, стоящими возлѣ него съ дѣтьми на рукахъ. Видѣлъ я и обидчиковъ людскихъ, наказанныхъ за удержаніе платы, слѣдуемой за работу, и другія обиды ближнему. Ихъ тамъ страшилища по всему тѣлу строгали острыми гребнями. У клеветниковъ же изъ рта стекала пѣна черная, какъ сажа, и сами они были съ черными лицами. Рукоблудники скованы цѣпями по рукамъ назадъ за спиной, и стоятъ они согнувшись внизъ головой, покачиваясь то внизъ, то назадъ. За симъ мой проводникъ отворилъ одну дверь и мы за нею увидѣли людей, которые сидѣли на горячихъ плитахъ голыми, сами себя рвали за волосы и кричали: „горе намъ гордымъ!“ Сзади ихъ страшилища держали желѣзными крючками. Я сильно испугался при видѣ ихъ и думалъ, что и меня зацѣпятъ крючкомъ. Мой проводникъ велѣлъ мнѣ сдѣлать крестное знаменіе, не бояться и объяснилъ, что сіи люди терпятъ такое наказаніе за гордость, такъ какъ они никого не признавали и ни кого не любили. Идя далѣе, мы увидѣли ровъ, наполненный гадами. Возлѣ него стояли скованные люди, которыхъ страшилища схватывали крючками и бросали въ ровъ. Когда они падали туда, къ нимъ подползали гады и лѣзли въ глаза и рты, и грызли и сосали ихъ. Эти несчастные люди только руками отмахивались и ворочались. Я боялся, чтобы и меня не зацѣпили крючкомъ и не бросили къ нимъ. Мой проводникъ сказалъ: „крестись и не бойся“. Я перекрестился и спро-

силъ у него: за что эти люди страдают? Онъ сказалъ: „за блудъ; это очень большой грѣхъ“.

Потомъ мы пришли къ мѣсту, гдѣ стояли вѣсы. Къ намъ подошли страшилища съ хартіей, на коей были написаны всѣ мои грѣхи, содѣянные мною отъ юности моея. Увидѣвъ это, я утрашился. Страшилища положили эту хартію на одну чашку вѣсовъ, а на другую мой хранитель положилъ книжку, которая перетянула всѣ мои грѣхи. Эту книжку я когда то подарилъ страннику богомольцу. Увидѣвши это, страшилища завопили и убѣжали. Мой хранитель улыбнулся, а я тоже ободрился и повеселѣлъ, и мы пошли дальше. Я сталъ чувствовать, что становится все холоднѣе и холоднѣе; наконецъ, мы увидѣли замерзшую рѣку и на берегу ея много людей. Мы подошли ближе и увидѣли переходящихъ черезъ рѣку иноковъ. Изъ нихъ одни шли съ путеводителями, имѣли свѣтлыя радостныя лица и были поддерживаемы своими путеводителями, кои съ радостью сопровождали ихъ. А другіе шли далеко отъ своихъ путеводителей, имѣвшихъ печальный видъ, и на каждомъ почти шагу проваливались въ рѣку. Нѣкоторые перешли рѣку и пошли дальше, а иные такъ и остались въ водѣ. Я спросилъ своего проводника: почему одни переходятъ рѣку, а другіе не могутъ? Онъ сказалъ мнѣ: „Это вотъ что означаетъ: кто живя на землѣ, избралъ себѣ путеводителя, — т. е. старца и духовника и принималъ его наставленія, когда исповѣдывался, и исполнялъ и несъ налагаемыя за свои грѣхи епитиміи, тѣхъ вотъ теперь ты видишь безбѣдно переходящихъ рѣку. А которые въ нее проваливаются и тонутъ, тѣ при своей жизни не искали себѣ наставниковъ; исповѣдывались нерадиво и говорили, — мы и сами знаемъ, что грѣхъ и что нѣтъ. И вотъ ихъ никто не провожаетъ чрезъ рѣку и не поддерживаетъ... Пойдемъ и мы чрезъ рѣку“, сказалъ онъ. Я

боюсь, отвѣтилъ я, буду проваливаться. „Твой старецъ поддержитъ тебя“. Дѣйствительно тутъ подошелъ ко мнѣ духовникъ мой и сказалъ мнѣ: „пойдемъ, я тебѣ помогу!“ Мы съ нимъ перешли на другую сторону рѣки. Тамъ мы увидѣли одну широкую, покрытую зеленой травой и цвѣтами, дорогу и другую узкую, обведенную цѣпью. По широкой шли люди съ радостію и пѣніемъ. По узкой же шедшихъ людей гнали съ побоями страшилища, и эти люди стонали и кричали. Я спросилъ: куда это ихъ гонять? Мой проводникъ сказалъ: „въ Іосафатову долину (юдолъ), гдѣ находится мѣсто судилища“, и повелъ меня дальше. Вотъ мы подошли къ кипящему котлу съ водою, въ которомъ стояли люди и махали руками. Когда же они переставали махать ими, къ нимъ подбѣгали страшилища и били по головѣ желѣзными палками. Я испугался и закричалъ. Мой проводникъ велѣлъ мнѣ перекреститься и на мой вопросъ: за что этихъ людей такъ мучать, — отвѣтилъ: „эти люди небрежно полагаютъ на себѣ крестное знаменіе, махая рукою; за это заставляютъ ихъ здѣсь махать руками; а по головѣ бьютъ за то, что стоя въ храмѣ Божіемъ, они помышляли, — какъ бы своего брата обмануть, или украсть что; роптали, — что пѣвчіе нехорошо поютъ и что священнослужители нехорошо и долго служатъ. Отъ этого мѣста мы пошли дальше, причемъ мой путеводитель такъ быстро подвигался впередъ, что я не успѣвалъ за нимъ шагать. Наконецъ онъ остановился у дверей, за которыми былъ слышенъ крикъ. Когда онъ открылъ эти двери, мы увидѣли тамъ стоящихъ людей, которымъ страшилища на голову лили кипящую смолу, а въ глаза и ротъ пихали деньги. Отъ крика и стона сихъ несчастныхъ я очень испугался и спросилъ своего путеводителя, — за что ихъ мучать? „За то, отвѣтилъ онъ, что они обманывали людей, выдавая себя ложно

за сборщиковъ на церкви и монастыри, брали отъ людей деньги на поминаеніе умершихъ и не поминали, а за эти деньги покупали водки. Это очень тяжскій грѣхъ; за нихъ много надо молитвъ, чтобы избавить ихъ отъ сихъ мученій“. Тамъ же я увидѣлъ одного инокъ, къ которому приступили страшилища, говоря: „снимай одежду, ты давно нашъ, только одна твоя одежда препятствуетъ намъ“. Когда же они хотѣли коснуться его, то отъ одежды этого инокъ выходитъ огонь и опалаетъ ихъ. Мой проводникъ объяснилъ мнѣ, что къ сему инокъ такъ приступаютъ бѣсы за его нерадивую жизнь въ монастырѣ и нерадивое исполненіе послушаній. Но онъ монашеское одѣяніе въ чести имѣлъ и боялся его опорочить, по сему одежда его и защищаетъ. Царица Небесная умоляетъ Сына Своего и Господа Бога нашего за всѣхъ монашествующихъ, кои съ усердіемъ носятъ Ея ризу, дабы были спасены они во вѣки. Послѣ сего мы пришли еще къ дверямъ, откуда слышался стонъ и топотъ; когда же мой путеводитель отворилъ ихъ, мы увидѣли пляшущихъ людей; лица у нихъ были черныя и не похожія на человѣческія. Они кричали: „до какихъ поръ мы будемъ плясать?“ Мой путеводитель затворилъ опять двери и сказалъ: „сіи люди, когда приходилъ праздникъ, не думали о томъ, что бы идти въ храмъ Божій молиться, а чтобы поплясать въ праздникъ, и отсюда ихъ трудно вызволить“. — Дошли потомъ мы до пропасти; надъ нею по узенькой вдоль стѣны тропинкѣ шли разнаго званія люди и несли въ рукахъ разнаго рода, вида, величины и формы—предметы. Когда же нѣкоторые изъ нихъ на тропинкѣ колебались и находились въ такомъ положеніи, что едва не падали въ пропасть,—то они прикасались этими предметами къ стѣнѣ; и у однихъ несомые въ рукахъ предметы прилипали къ стѣнѣ и этимъ они спасались отъ паденія, а у другихъ та-

ковые не прилипали къ стѣнѣ и они падали въ пропасть. По объясненію путеводителя, первые давали милостыню съ усердіемъ, а вторые съ неохотой и укоризной.

Отъ сего мѣста мы пошли далѣе и пришли уже къ свѣтлымъ блистающимъ вратамъ чудной красоты, коей передать словами я никакъ не въ состояніи. Мой путеводитель отворилъ ихъ и за ними мы увидѣли чудный, во много разъ ярче солнечнаго,—свѣтъ. Здѣсь было много малыхъ церквей очень красиваго вида. Внутри ихъ и снаружи были люди. На столикахъ, стоящихъ вблизи сихъ церквей, лежали просфорки. Я спросилъ своего путеводителя,—что это? Онъ сказалъ: „это приготовлено для тѣхъ людей, которые до звона колокола старались придти въ храмъ Божій, бросая свои занятія и работы“. —Мы пошли дальше и, подымаясь выше, пришли къ другимъ вратамъ. Внутри за ними было еще свѣтлѣе и красивѣе прежняго. Тамъ увидѣли деревья неописуемой красоты и цвѣтовъ,—на однихъ листь былъ зеленый, на другихъ голубой и другихъ видовъ... Между деревьями находилось много монаховъ, въ рукахъ были букеты цвѣтовъ, а на головахъ вѣнчики блестящіе, красоты коихъ я объяснить не могу. Между ими я узналъ инокъ нашего монастыря. Онъ улыбнулся и поклонился мнѣ. Мы шли очень скоро и миновали нѣсколько шедшихъ полковъ инокъ. За ними слѣдовали міряне съ сіяющими отъ радости лицами. Я спросилъ своего путеводителя: куда это они идутъ? „Выше, въ свои обители, отвѣтилъ онъ, гдѣ имъ уготовано вѣчное небесное царствіе; за то что они на землѣ переносили скорби, и болѣзни, и тѣсноту, и наготу, терпѣли холодъ и голодъ; заповѣди, которыя надлежитъ исполнять христіанамъ,—исполняли, и души свои полагали за Христа“. —Потомъ мы увидѣли столы, на которыхъ лежало множество вѣнцовъ

разныхъ видовъ и цвѣтовъ; одни изъ нихъ такъ сильно блестѣли, что трудно было на нихъ смотрѣть, а нѣкоторые были голубого цвѣта. Я спросилъ своего путевода: кому приготовлены эти вѣнцы? Онъ сказалъ: „это тѣмъ, кои соблюдали свое дѣвство и терпѣли муки за Христа“. Послѣ сего мы подошли къ большому чудной красоты храму и услышали въ немъ пѣніе, какого я никогда не слышалъ: оно было столь сладко и умирительно, что я едва могъ стоять на ногахъ. Я спросилъ своего путевода, кто это поетъ такъ хорошо? Онъ сказалъ: „это тѣ, которые любили такъ плакать, какъ любятъ грѣшники улаживать себя скверными пѣснями; здѣсь же имъ вмѣсто плача—дано наслаждаться симъ дивнымъ пѣніемъ въ этомъ приготовленномъ для нихъ храмѣ.—Наконецъ мы стали приближаться къ нашей обители, и мой проводникъ сказалъ; „посмотри — гдѣ и какъ кто работаетъ“. Я сталъ смотрѣть и увидѣлъ, кто исполнялъ свои послушанія и работалъ безъ ропота, у тѣхъ надъ головами были вѣнчики изъ голубыхъ цвѣтовъ; а кто ропталъ на свое послушаніе и работалъ безъ усердія,—тѣхъ я видѣлъ стоящими въ холодной водѣ и въ рукахъ, имѣющихъ, вмѣсто работы, горячее желѣзо.

Возлѣ обители мы увидѣли идущую, какъ бы не по землѣ, а въ воздухѣ величественную прекрасную Жену, окруженную яркимъ свѣтомъ. Мой путевода сказалъ мнѣ: „перекрестись и поклонись Ей“; когда я это сдѣлалъ, Она сказала юношѣ: „отведи этого инока въ его келью, ему еще не пришло время“. Когда онъ шелъ со мною, я спросилъ его: кто это? „Царица Небесная“, отвѣтилъ онъ. У меня на душѣ сдѣлалось очень радостно; я жалѣлъ, что только одинъ разъ поклонился Ей. Въ келью меня проводили вмѣстѣ съ моимъ путеводителемъ еще нѣсколько въ бѣлыхъ одѣяніяхъ лишь, между коими я

опять увидѣлъ своего племянника, съ коимъ я вышелъ прежде изъ кельи. Путеводитель осѣнилъ меня крестообразно иконой св. Великомученика Пантелеимона и спросилъ меня: „знаешь ли, кто я?“ Я говорю: не знаю; онъ сказалъ: „я твой Ангелъ Хранитель, которому ты всегда молился. Что я тебѣ велѣлъ не говорить, того не говори; а остальное можешь рассказать“. Я хотѣлъ поклониться ему,—но вдругъ вижу, что онъ уже высоко и чуть свѣтлѣется... Этимъ видѣніе кончилось. Я, будто-бы, легъ спать.

О самомъ послушникѣ Пантелеимонѣ не лишне сказать, что онъ изъ поселянъ Черниговской губ., 29 лѣтъ, въ монастырѣ живетъ всего 2 года. Кромѣ клироснаго послушанія, усердно несъ онъ послушаніе и при братской кухнѣ. На здоровье свое не жалуется, выглядеть простымъ, добродушнымъ; странностей какихъ либо за нимъ пока не замѣчалось. Изъ прошлаго его извѣстно, что и близкіе его родные, не чужды иноческой жизни: 3 сестры у него находятся въ женскихъ монастыряхъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ было ему замѣчательное сонное видѣніе, въ коемъ указанъ былъ ему строгій путь дѣвственника, въ правилахъ Святой православной вѣры; одѣяніе даже ему указано было черное—иноческое. Онъ и въ міру чуждался веселья, уклонялся по возможности отъ мірскихъ суетъ, тяготѣлъ къ храму Божію, къ молитвѣ, къ назидательному чтенію. Но при этомъ у него не угасало и чувство гражданскаго долга и любви къ родинѣ. Онъ отбылъ срокъ на дѣйствительной военной службѣ; во время войны Россіи съ Японіей, былъ волонтеромъ на Дальнемъ Востокѣ и выбылъ послѣ этой войны въ запасъ арміи старшимъ унтеръ-офицеромъ.

Сновидѣніе послушника Пантелеимона (описанное) поразительно тѣмъ, что все (какъ указано ему въ видѣніи), передаваемое имъ не въ общемъ раз-

говорѣ, а лишь наединѣ разнымъ лицамъ изъ братіи и постороннимъ,—съ буквальною точностію воспроизводитъ всевозможные, иногда забытые, неисповѣданные, непокрытые примиреніемъ съ ближними—случаи недоразумѣній въ жизни, и разныхъ какъ былыхъ, такъ неоставляемыхъ и теперь немощей и грѣховъ.— При чемъ видѣніе его, и всею картиною, и по частямъ (по сходству и сродству видѣннаго во снѣ—съ переживаемымъ въ дѣйствительности) воочію подтверждаетъ Слово Божіе: „имиже согрѣшаемъ, сими и наказуемся“. И кому что Пантелеимонъ говорилъ, тѣ сразу все то припоминаютъ изъ своего пережитаго или въ быломъ, или въ недавнемъ настоящемъ, хотя бы предъ этимъ сего и не удержали въ своей памяти.

